

Глядя на эту мрачную картину, Муми-тролль думал о том, как, должно быть, боялась Земля этого приближающегося к ней огненного шара. Он думал о том, как сильно любил все это: лес и море, дождь и ветер, солнце, траву и мох. О том, что жить без всего этого было бы невозможно.

Но потом он вспомнил о маме и решил, что она знает, как всё это спасти.

Тове Янссон.

«Комета прилетает»

— Але! — глупо сказал он, как будто в телефон, и помолчал, прислушиваясь. — Але, есть кто живой?..

Дом ничего не ответил, только где-то вдалеке сильно стукнуло, словно с размаху отворилась оконная рама.

Тишина, до этой секунды вполне мирная, вдруг стала угрожающей.

— Але! Извините, пожалуйста, у вас не заперто!

Оглядываясь через плечо на приоткрытую дверь, Владимир Береговой двинулся по темному коридору на свет.

Странное дело. В комнате тоже никого не было, а окно действительно оказалось распахнутым. Из него тянуло холодом и запахом талого снега, и слышно было, как с крыши капает — бодро, по-весеннему!..

И никого. Владимир подошел и прикрыл створку.

...И что теперь делать? Вот друг Столетов втравил в авантюру, спасибо ему!

А домишко ничего себе! Справный такой домишко. Береговой вытащил из заднего кармана джинсов телефон, нажал кнопку и огляделся. Стены как пить дать из карельской березы, а может, напротив, из сибирской лиственницы, он не слишком разбирается в породах дерева, но — здорово красиво!..

Телефон прогудел ему в ухо. Би-ип. Би-ип.

И еще рога! Раз, два, три — он повертел головой, — четыре пары, о как!.. Должно быть, хозяин уважает рогатых и сохатых, едва завидев, сразу всаживает в них заряд с дробью, заваливает, а рога откручивает и присобачивает на стены.

Би-ип. Би-ип.

В камине пылал веселый огонь. Вот чего Береговому всегда не хватало!.. Нет, не камина, какой там камин на восьмом этаже новостройки, где он жил, а настоящего огня! В деревне, куда он ни разу не ездил с тех пор, как заболела мать, первым делом затапливалась печка, и так сразу делалось уютно, тепло, славно! И хотелось сидеть возле этой печки, греть руки, помешивать кривой кочергой трескучие веселые полешки!

— Але, — нетерпеливо сказал ему в ухо телефон голосом лучшего друга Столетова. Голос был приглушенный, словно из-под стола. — Чего тебе? Говори быстрее, я на совещалове!

— Дэн, похоже, тут нет никого!

— Где?!

— Да в доме у этого твоего!.. Куда ты меня послал!..

Окно вдруг опять распахнулось, как будто дернуло сквозняком. От резкого звука Владимир Береговой вздрогнул, уронил прижатую плечом трубку.

Трубка глухо стукнула в ковер и покатилась. Бе-

реговой бросился, подобрал ее и опять прижал к уху.

— Слышь, Дэн, я приехал, а тут никого!

— Ну и хрен с ним! В почтовый ящик сунь, и все дела! Самое главное — передать! Считай, ты передал! И не звони, у нас тут та-акое!..

Дэн Столетов работал в журнале «День сегодняшний», и там у них то и дело случалось та-акое...

— Да нет, ты не понял! Ворота открыты, и дом тоже, только нету никого...

Но Столетова в телефоне уже не было. Втравить друга Владимира в авантюру — это он запросто, это он легко. А вот помочь советом — так он на совещалове, и некогда ему!..

Мимо рогов, растопыренных в разные стороны, мимо темных, лаково поблескивающих картин, на которых были изображены мертвые утки, мертвые кролики и мертвые куропатки, кажется, такие картины называются натюрмортами, он вернулся в прихожую, — какая, к черту, прихожая, зал размером с его квартиру! — пристроил пакет на кресло, потом подумал и переложил на комод, поближе к выходу.

Постоял, прислушиваясь, и сказал громко:

— Ну, на всякий случай, до свидания!

Дом ничего не ответил, но Береговому вдруг показалось, будто кто-то наблюдает за ним из темноты — так пристально, что заломило в голове.

Он быстро оглянулся.

Никого.

...Нужно убираться подобра-поздорову! Что-то здесь не так.

Береговой шагнул на крыльцо и как следует прихлопнул за собой дверь — дом будто вздрогнул, — но ощущение, что за ним наблюдают, никуда не делось.

На улице было очень сыро, как бывает только ранней весной, когда снег уже осел и потемнел, но еще не растаял, и кругом журчит и капает, и что-то словно двигается и дышит, оживая, и острый холодный воздух пахнет весной даже по вечерам!..

И темно так, как никогда не бывает зимой, когда ночи морозные, ясные!..

Стоп. Темно не потому, что весна, а потому, что свет не горит.

Когда Береговой шел к дому, вдоль дорожки горели фонари, и он был этому рад. Кругом стояли глубокие лужи, и он то перепрыгивал, то обходил их, благословляя эти самые фонари!

Пока он был в доме, кто-то выключил свет.

...Или он сам погас?

Нужно уезжать. Нужно немедленно уезжать отсюда.

Почти ощупью Береговой спустился с крыльца, наступил в воду, сразу и обильно плеснувшую в ботинок, и двинулся по дорожке к воротам. В ботинке теперь отчетливо чавкало.

Машина осталась у забора, заезжать на участок он, разумеется, не стал, несмотря на то, что ворота стояли настежь, и сквозь причудливое чугунное литье ограды Береговому уже был виден ее полированный бок. Там, за забором, фонари горели синим уличным светом.

Сейчас он дошлепает по лужам до этого света, милого своей привычностью, распахнет дверь, плюхнет на сиденье, приемник запоет, двигатель заурчит и...

И тут Береговой споткнулся, ноги разъехались, он бухнулся коленями и животом в лужу, ткнулся лицом. Мокрый снег моментально набился в рукава и даже в рот!

Отплевываясь, он неуклюже пополз, встал на четвереньки, по-собачьи встряхнулся и замер.

Поперек дорожки лежал человек, о которого он и споткнулся. Прямо перед носом Берегового было лицо, синее от света дальнего фонаря, с черными впадинами глаз и висков.

Человек был абсолютно, непоправимо мертв.

Медленно, словно во сне Береговой дотронулся пальцами до ледяной щеки и отдернул руку.

Какой-то посторонний, монотонный звук протыкал сознание:

— А-а-а... А-а-а...

Звук был отвратительный настолько, что Береговой понял: его немедленно вырвет, если он не прекратится сейчас же, и тут только сообразил, что звук издает его собственное горло. Это он сам тихо и страшно воет на одной ноте:

— А-а-а...

Тут он вскочил, попятился, с ужасом глядя на тело, повернулся и бегом, скользя и чуть не падая, бросился к воротам, к чугунным завитушкам забора, к спасительному свету.

Быстрее, быстрее!.. Бежать, спастись, как можно быстрее!..

Он добежал почти до ворот и остановился.

Нагнулся, зачерпнул немного грязного снега и поел. Зачерпнул еще и вытер лицо. Щеки моментально заледенели.

Нужно вернуться.

Вернуться и посмотреть... *что там.*

Посмотреть и как-то помочь.

Береговой и так знал, «*что там*» и что *помочь ничем нельзя*, но он должен был вернуться.

Он постоял, изо всех сил стараясь дышать. Ему казалось, что, если дышать ровно, тошнота, залепившая горло, отступит.

Он оглянулся через плечо — тело лежало поперек дорожки темной горкой — и перевел взгляд на свою машину, совсем рядом.

Бежать и спастись нельзя. Уже поздно бежать и спастись.

Он повернул назад.

И вся жизнь Владимира Берегового повернула невесть куда в эту самую секунду, но он еще не знал об этом.

Он шел сначала медленно, потом зашпешил, подбежал, присел на корточки.

— Как вам помочь? — шепотом спросил он у трупа. — Вы живы?..

И потянул за рукав.

Следом за его движением тело подалось, голова перекадилась — Береговой отпрянул, потерял равновесие и снова плюхнулся в лужу.

Длинные волосы, казавшиеся голубыми, шевельнулись как-то сами по себе. Черная неровная дорожка разделяла их, словно пробор.

Это не черная дорожка, медленно подумал Береговой. Это красная кровь. Она течет из головы, и волосы намочили от крови.

Лицо совсем молодое, безмятежное, как будто довольное чем-то. Разве у трупов бывают... довольные лица?!

— Помогите, — проскулил Владимир Береговой, начальник IT-отдела издательства «Алфавит», заехавший по просьбе друга Дэна Столетова в незнакомый дом, чтобы передать журналы, и оказавшийся один на один с трупом молодой женщины. — Помогите...

Помочь было некому.

И он решил, что тело нужно непременно перенести в дом.

Перенести в дом, вызвать ментов и «Скорую», —

и может быть, может быть, еще как-то удастся ее спасти?!

Несколько раз примерившись, он кое-как взгромоздил на руки тело девушки, очень тяжелое и очень холодное. Голова откинулась, свесились голубые волосы, залитые черной кровью, открылась неожиданно тонкая шейка, и Береговому показалось, что голова сейчас оторвется. Он перехватил тело и понес, очень медленно и осторожно, то и дело сглатывая тошноту и *стараясь не смотреть*.

Однажды в Завидове он нашел под крыльцом мертвую лягушку. Тогда он совсем маленький был. Лягушка лежала на спине, растопырив мертвые лапки, и у нее было точно такое же белое отвратительно вытянутое горло.

Он взобрался на крыльцо и ударил ногой в дверь.

— Эй! Откройте! Помогите мне!

Никто не отозвался, и он ударил еще раз, а потом еще, и потом уже стал колотить не переставая.

Он колотил и точно знал, что никто не откроет. В доме с рогами и картинами, на которых были мертвые кролики и куропатки, никого нет.

Береговой повернулся боком, нашаривая ручку. Голова трупa глухо стукнулась в дверь, перевалилась на другую сторону, уткнулась в его куртку, и он чуть не уронил свою ношу.

Кое-как извернувшись, он надавил локтем, ударил ногой, дверь распахнулась, и Владимир втащил тело в прихожую, где давеча оставил журналы, и приткнул его на светлый диван. Голова свесилась, и он поправил ее, изо всех сил стараясь не смотреть.

— Помогите, — очень тихо попросил он неизвестно кого. — Помогите мне!

Нужно вызвать врачей и этих... которые зани-

маются такими вещами. Он позабыл, как их называют.

Надо как-то получше устроить тело на диване — вдруг оно еще живое?.. Шансов почти нет, но все-таки вдруг?.. Доктор Николай Давыдович, лечивший мать, говорил, что убить человека не так-то просто! Может, и эта девушка... еще пока не умерла?!

Береговой шарил по своим карманам, выворачивая и почти раздирая подкладку, искал телефон.

Аптечка. Нужно принести из машины аптечку и перевязать его... ее. Он взглянул мельком, продолжая ожесточенно шарить по карманам. Никаких ран не увидел, но волосы были в крови, ему показалось, что крови стало больше.

Телефон все никак не находился.

— Я сейчас, — сказал Береговой труп. — Я только до машины и обратно. Ты... потерпи немножко.

Выбежав на крыльцо, он испытал облегчение.

Странное дело, мир не перевернулся, жил прежней весенней бодрой жизнью. Капала вода с крыши, горел фонарь на улице, мокрый снег обрушился по водосточной трубе, прогрохотал совсем рядом с ним.

Если мир устоял, может, все не так страшно?.. Может, еще и обойдется?..

Он добежал до машины, зачем-то распахнул водительскую дверь, выругался и полез в багажник. Одной рукой он раскапывал аптечку, а другой все шарил по карманам в поисках телефона, но тот как в воду канул.

На дорожке Береговой опять поскользнулся, замахал руками, выронил аптечку, подобрал и влетел в дом.

Дыхание остановилось, и сердце, кажется, остановилось тоже.

В прихожей, размером с его московскую квартиру, все было по-прежнему. Вот рога на стенах. Вот комод со стопкой журналов, которые он привез. Вот белый диван.

Только на диване *никого нет*.

Как в кошмаре Береговой подошел поближе. И нагнулся. И заглянул за диван.

Тело исчезло.

Диван был абсолютно пуст и чист.

Владимир провел рукой по обивке — влажная. Значит, тело здесь все-таки лежало, и оно не было видением или галлюцинацией!

И тут Владимир Береговой, начальник IT-отдела процветающего издательства «Алфавит», захвативший по просьбе друга в незнакомый дом, чтобы передать журналы, понял, что этот исчезнувший труп и есть самое худшее, что только могло с ним случиться.

Он закрыл и открыл глаза. Странная штука, он как будто надеялся, что труп *вернется на место*.

Но он не вернулся.

Береговой постоял еще секунду, вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь, дошагал до своей машины — водительская дверь так и стояла настежь, — сел и запустил мотор.

Ему было холодно, и он на полную мощность включил отопитель, который сразу бодро загудел.

Береговой развернулся, вырулил и двинул по поселковой улице — очень аккуратно. Мысль о том, что мир по-прежнему существует, не рухнул и не лежит в руинах, не отпускала его.

Вон кто-то заезжает в ворота. А там за забором горят веселые огоньки и бегают большая собака.

А по проулку прогрохотал грузовичок с затейливой надписью «Доставка воды».

Береговой выехал на освещенное многополосное шоссе.

В голове было пусто, просторно и холодно.

Что-то все время мешало ему, тыкалось в живот и ребра, и он в конце концов сообразил, что на коленях у него лежит аптечка.

Аптечка на коленях — непорядок. Нужно переложить.

Он принял вправо, приткнулся к обочине, включил аварийку и выбрался из машины.

Аптечка должна быть в багажнике, откуда он ее и достал.

Он обошел свою машину и распахнул багажник.

Аптечка вывалилась из рук и ускакала на проезжую часть.

Береговой стоял над распахнутым багажником и рассматривал скрюченный труп.

Труп мужчины в темном костюме и лакированных ботинках. Брючина задралась почти до колен, и была видна белая, сильно оцарапанная нога.

Знаменитая писательница Маня Поливанова — псевдоним Марина Покровская — только что поругалась с издателем, вернее, издательшей, и ей срочно требовались утешения и кофе со сливками и сахаром.

Анна Иосифовна, генеральная директриса издательства «Алфавит», обожавшая своих писателей и носившаяся с ними, как с малыми детьми, или как с писаной торбой, присочинила Маня, любившая сравнения, на этот раз была строга, если не сказать — резка и неумолима.

Так, что даже обращалась к Мане на «вы» — худшее из наказаний!..

В лифте Поливанова втиснулась в самый угол и почти с головой нырнула в портфель, изрядно потрепанный и очень любимый, словно собираясь в нем отсидеться, чтоб никто из сотрудников не видел ее удрученной физиономии и глаз, красных, как у кролика.

Вот еще только разреветься не хватает!

— Здрасти, Марина Алексеевна!

— Манечка, привет!..

В лифт впорхнула стайка редакторш отдела женской литературы, видимо, возвращавшихся с обеда. Они были сытенькие, раскрасневшиеся, а одна везла плюшки, завернутые в салфеточку. В лифте сразу запахло домашней сдобой, и от этого Мане стало совсем невмоготу.

Домой хочу. Я хочу домой, на диван. Рыдать и убиваться над своей загубленной жизнью. А здесь меня никто не любит, никто не жалеет, и даже Анна Иосифовна называет на «вы»!..

Слезища капнула в портфель, и Маня шмыгнула носом.

— Марина Алексеевна, вас Екатерина Петровна искала...

— Знаю я, — грубо перебила Маня, и редакторши удивленно притихли.

Писательница Покровская всегда была весела и расположена к людям, и в кулуарах ее называли «душа Тряпичкин».

Выйдя из лифта, Маня двинула было в сторону «Чили» — так в издательстве «Алфавит» именовалось уютное и просторное помещение, в восточном вкусе, на первом этаже, где можно было поговорить, прочитать не слишком обременительные бумаги, где настоящий турок варил настоящий кофе, стояли удобные диваны и необыкновенные низкие столы, сделанные умельцем-краснодерев-

щиком на заказ. Анна Иосифовна обожала все «настоящее» и «подлинное» и никогда на это самое «подлинное и настоящее» не жалела денег.

Маня собралась туда в расчете на темный угол и кофе со сливками, но поняла, что в данный момент терпеть не может свое издательство, и «Чили» терпеть не может, особенно претенциозность этого названия, кажется произошедшего от модного словечка «chill-out». Никто толком не знает, что оно означает, но — красиво, черт побери!..

Красивости в духе Анны Иосифовны в данный момент Маню бесили.

Не пойдет она ни в какое «Чили», сядет в машину и уедет домой. И больше в издательство ни ногой до тех пор, пока...

— Маня, я тебя ищу! Ты же давно приехала и пропала!

— Я не пропала, — буркнула Поливанова.

Екатерина Митрофанова, заместитель генеральной директрисы, второе лицо в королевстве под названием «Алфавит», профессионал и знаток издательского дела, подхватила писательницу под руку.

Маня терпеть не могла ходить «под ручку». Она сразу чувствовала себя слишком большой и неповоротливой, как танк, к броне которого прицепилась бабочка.

Она вытащила руку и сказала, что уезжает.

— Как?! — поразилась Митрофанова. — Нам поговорить надо! А пальто твое где?

Да. Пальто осталось в приемной Анны Иосифовны на шестом этаже.

Ну и черт с ним!.. Не пойдет она за пальто!

— Маня, что ты такая злая? С Алексом поругалась?

— Я не злая.

- Пойдем кофейку попьем.
- Мне некогда.
- Вы поссорились, да? С Алексом?
- Я ни с кем не ссорилась, — отчеканила Поливанова. — Отстань от меня.

Митрофанова помедлила секунду, а потом снова твердо взяла ее под локоть.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Насчет твоей книжки.

На этот раз Маня руку вырвала.

— Мне уже Анна все сказала! И что я рукопись задерживаю, и что людей подвожу, и что я ленивая, как тюлень! Ты еще добавить хочешь?

— Анна Иосифовна не могла сказать, что ты тюлень.

Маня промолчала. Про тюленя она на самом деле придумала. Директриса ничего такого не говорила, конечно.

Она уже раскаивалась в том, что грубила, и покорно вошла следом за Митрофановой в уютное, тихое и чинное помещение, где почти никого не было в этот послеобеденный час.

— Нам два кофе. Один по-турецки, а второй обычный, со сливками и сахаром.

Знакомый парень-турок, варивший здесь кофе, улыбнулся Поливановой с удовольствием. У них были приятельские отношения. Впрочем, у нее со всеми приятельские отношения!..

— А чего ты хочешь?.. — тихим официальным голосом начала Митрофанова, когда они уселись. — Чтобы она тебя хвалила? Ты же рукописи месяцами не сдаешь! А у нас план к чертям собачьим летит!

— В гробу я видала ваш план.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно! Как я могу писать,

если мне не пишется?! Ну как?! Я ни слова из себя выжать не могу! Вот сажусь за компьютер, открываю страницу, пишу-пишу, пишу-пишу, а потом оказывается, что написала ровно три предложения и ни одно никуда не годится!

— А как ты раньше писала?

— Не знаю, — отрезала Поливанова. — Как-то писала. По-моему, очень плохо.

— Ну да, — согласилась Митрофанова. — Куда уж хуже!.. Тиражи за сколько миллионов перевалили?..

Турок принес на латунном подносе кофе, ловко поставил и улыбнулся понурой Мане. Она даже не заметила.

— Алекс что говорит?

Маня отхлебнула, обожглась и задышала ртом.

— А что он должен говорить?

— Ну, он же видит, наверное, что у тебя кризис жанра?..

— Я не знаю, что он там видит, а чего не видит. Ему не до меня.

— В каком смысле?

— Во всех. — Маня глубоко вздохнула и посмотрела на Митрофанову несчастными глазами.

Она одна кругом виновата. Перед всеми. И перед Алексом тоже.

— Маня, вы на самом деле поссорились?

— Мы не ссорились. Ему просто нет до меня дела. У него... своя книжка и своя жизнь. И отстань от меня, Митрофанова, ты же все знаешь!

Екатерина Петровна сделала аккуратный глоток и пожала плечами. И поправила идеально белый манжет с запонкой, выглядывавший из рукава идеально скроенного пиджака.

— Ну, а чего ты хотела? — спросила она негромко. — Жить с гением — это, знаешь ли, непросто.

— Спасибо, что сказала, а то я без тебя не знала. Ладно, Кать, я пошла. Увидимся, когда роман напишу.

— Это значит через год?

Маня поднялась и посмотрела на нее сверху.

— Может, через два. Как пойдет.

— А он... где?

Маня не стала делать вид, что не поняла.

— Во Франции он.

— Давно?

— Да уж месяца два. У него дела в его драгоценном французском издательстве. Драгоценное французское издательство жаждет заключить с ним очередной контракт. Драгоценное издательство собирается уладить все прошлые недоразумения. Кланяйтесь драгоценной Марье Ивановне.

— А у нас Береговой сегодня на работу не вышел, — сообщила ни с того ни с сего Митрофанова. — Пропал, и телефон не отвечает.

— Найдется, — сказала писательница Покровская равнодушно.

— Да не можем его найти!

— Чай, он не иголка в стоге сена! Большой мальчик, метр девяносто, не меньше.

— Я к тебе сегодня вечером приеду, — пригрозила Митрофанова. — И мы поговорим.

— Я тебя на порог не пушу, — отрезала Покровская и улыбнулась. — Кать, ты не обижайся на меня, но мне действительно сейчас как-то... ну, совсем хреново.

Так и не забрав пальто, наступая туфлями в глубокие лужи, Маня добралась до машины, долго и бестолково тыкалась, вырulingая, — она плохо водила и знала об этом, — и решила, что домой ни за что не поедет.

А поедет в книжный магазин «Москва».

Писательница Марина Покровская любила книжные магазины, а «Москву» особенно. Еще с той поры, когда там висели плакаты: «Производить продажу литературы повышенного спроса в магазинах только в порядке общей очереди не более чем по одному экземпляру каждого названия одному покупателю», приказ Госкомиздата СССР № 522».

Тогда она приходила сюда с дедом, выстаивала длиннющие очереди за Александром Дюма и Гансом Христианом Андерсеном — по одному экземпляру в руки! Дед был обыкновенным инженером, «спецраспределители» ему не полагались, вот и приходилось выстаивать, да еще иногда по ночам ездить «отмечаться», это если в магазин поступало что-то совсем недоступное, вроде полного собрания сочинений Джона Голсуорси, продававшегося только «по подписке». Маленькая Маня готова была на все, что угодно, ведь дома ее ждало невиданное удовольствие — дед ей читал!..

Они приносили книжки, завернутые в коричневую плотную бумагу. Острые углы этой броневой бумаги царапались, били по коленкам. Маленькая Маня всегда сама несла добытые книжки в цветастой капроновой сумочке, пошитой бабушкой из кофты, вышедшей по старости из употребления. Дома они ставили чайник, разворачивали книжки — как дивно и упоительно они пахли тогда!.. Маня, сопя, забиралась на диван и рассматривала картинки, если они были. Чайник закипал, и они с дедом пили чай с пряниками, предвкушая удовольствие. И этот чай — неизвестно почему! — казался ей продолжением книжного магазина «Москва» и началом какой-то новой истории, которая вот-вот случится. И история случалась!..

Дед читал на разные голоса. Ганс-Чурбан го-

ворил одним голосом, его бабушка совершенно другим. Солдат из «Огнива» был грубоватым простаком, принцесса из сказки про волшебный горшочек убогой дурочкой, а свинопас в дедовом исполнении оказывался романтичным философом.

Таким образом были прочитаны Марк Твен, О'Генри и Памела Треверс. И Джеймс Барри, и Харпер Ли, и все остальные.

Потом Маня стала читать сама, это уже когда дело дошло до Каверина, Германа и Джека Лондона.

А там уж рукой подать до Хемингуэя, Ремарка и Дика Фрэнсиса, которых она добывала сама все в том же магазине «Москва» — деду не по силам стали километровые очереди.

А потом Маня заделалась авторшей детективных романов — вот как ей повезло! — и огромный книжный магазин на Тверской стал для нее... своим.

Каждый раз, объезжая громадный сталинский дом с огромными витринами, уставленными книгами и картинами, чтобы втиснуться в узкий двор и как-нибудь приткнуть машину, Маня истово мечтала вернуть деда.

Ну, вот взять и вернуть.

Хоть на часок. Всего только на один!..

Он бы увидел, своими глазами увидел, что именно в этом легендарном и необыкновенном магазине продаются ее книжки. Вот Пастернак, вот Марсель Пруст, вот Стивен Кинг, а вот и Марина Покровская — здесь, в уголке! Словно она такая же, как они, словно она на самом деле имеет право продаваться в этом магазине!..

Маня провела бы его по залам, уставленным тысячами потрясающих, интересных книг, она показала бы ему все полки — бери, сколько хочешь!..

Какое там «по экземпляру в одни руки»! Она надарила бы ему альбомов — дед всю жизнь любил живопись и собирал альбомы, хотя их было трудно, почти невозможно достать!..

Она познакомила бы его с Мариной.

Марина Леденева была директором книжного магазина «Москва» и дружила с Маней.

Вот дед удивился бы, узнав, что внучка дружит с директором *этого* магазина! Дед просто наверняка был бы горд, и Маня бы тоже немного погордилась собой, а ей как раз сейчас этого очень не хватало!..

Знакомый охранник пропустил ее внутрь, она проскакала по узкой лестничке и повернула налево, к кабинету директора.

— Маня, — удивилась Марина, не ожидавшая такого сюрприза. — Вот ты молодец, что заехала!.. А почему голая? Где пальто?

Марина Леденева всегда все замечала.

Громадный письменный стол, занимавший большую часть директорских покоев, был завален бумагами, книгами, дисками, папками и записными книжками. На стене висела смешная очкастая обезьяна, уткнувшая морду в объемистый распахнутый том — светильник, привезенный Леденевой из какого-то далекого далека. Поливанова обезьяну обожала и всегда с ней здоровалась.

Она поздоровалась с обезьяной, кинула в кресло портфель и втиснулась рядом, очень неудобно.

Марина наблюдала за ней, отложив работу в сторону, а потом взялась за телефон.

— Ты обедала?

Маня помотала головой:

— Да я не хочу!

Марина велела в трубку, чтобы «чего-нибудь принесли».

— Что с тобой?..

С Мариной Леденевой имело смысл разговаривать только честно и прямо — или уж совсем не разговаривать, и Маня выложила ей всю горькую правду своей сегодняшней жизни.

— ...И, ты понимаешь, я ничего, ничего не могу поделывать! Ну не идет у меня работа! И я знаю, что всех подвожу и что я идиотка, но ведь я не виновата! Я стараюсь. Правда стараюсь! Знаешь, самый ужасный вопрос, который всегда задают журналисты, — это «как вы начали писать и где вы берете сюжеты!» Так вот, я теперь не знаю ни как писать, ни где брать сюжеты!..

Она причитала, Леденева молча слушала, рассматривала писательницу голубыми глазищами в густых темных ресницах, и не понять было, о чем она думает.

Помощница Рита внесла подносик с кофейными чашками, пепельницей и бутербродами. Маня схватила бутерброд прямо с подноса, откусила, и Рита улыбнулась ей, как маленькой.

— Я приезжаю в издательство, — продолжала Маня с набитым ртом. Рита тихонько прикрыла за собой дверь. — Меня там отчитывают, как будто я... не знаю что... преступление совершила, и Анна мне говорит, если так будет продолжаться, то лучше вообще перестать писать!.. Зачем, говорит, это нужно, если читатели не могут дождаться очередной книжки, а мы ничего не смеем им обещать! И у нас убытки. И у вас убытки — она меня стала на «вы» называть, представляешь?!

— Ты так сердишься, потому что знаешь, что она права.

Маня заглотнула кусок бутерброда, как удав, и уставилась на Марину.

— Ну, конечно, — и та кивнула, чтоб Маня точно поняла, что не ослышалась. — Издательство —

это такое же производство, как любое другое. Что я тебе объясняю, ты же не первый год работаешь! У них свои интересы, и они должны их соблюдать. Пишется тебе или не пишется — это, по большому счету, не их вопрос.

— Мурзик, — жалобно сказала Поливанова. Только ей разрешалось называть могущественную Марину Леденеву этим дурацким, глупейшим, идиотским именем! — Мурзик, и ты туда же?!

— Я не туда же! — с досадой возразила Леденева. — Я всегда говорю то, что думаю, ты прекрасно это знаешь!.. И я тебе говорю — ты не права и зря обижаешься. Собственно, ты и обижаешься именно потому, что не права. Ты должна сказать Анне: романа нет и не будет, а не кормить ее обещаниями, что завтра его напишешь! Ты же завтра ничего не напишешь?..

Маня Поливанова покачала головой. Глаза у нее налились слезами.

— Я теперь вообще не знаю, как писать. Я разучилась. Не могу.

— А ты... почему разучилась? Ты же раньше умела вроде!..

— Тебе смешно, а мне...

— Из-за Алекса?

С Мариной Леденевой имело смысл говорить только честно. Или уж не говорить вообще.

— Ну да, — призналась Маня Поливанова. — Он же на самом деле... писатель. А я кустарь и ремесленник!.. И я его люблю, Мурзик!.. Я с ним живу. И он пишет, и я пишу, понимаешь?! Только у него получаются шедевры, а у меня все больше какая-то ахиня. У него результат, и у меня результат!.. А я так не могу. Лучше совсем не писать, чем так позориться.

— А он тебе что говорит?

Маня шмыгнула носом, и Марина протянула ей коробку с салфетками. Маня выхватила одну и утерлась.

— Ничего он не говорит. Его моя писанина не интересует. Он и не читал никогда!

— Ты тоже его не читай. Чего зря расстраиваться!

Писательница Поливанова затихла, поморгала красными от слез кроличьими глазами, а потом осведомилась осторожно:

— Ты шутишь? Ты же шутишь, да?..

Марина пожала плечами. Голубые глазищи смотрели серьезно и, пожалуй, с сочувствием.

— Я не шучу. Если тебе мешает то, что он пишет лучше тебя, хотя я не знаю, как можно сравнивать такую... разную литературу, тогда не читай его. Ты делай свое дело, как делала его последние десять лет, или сколько ты там пишешь?.. И все встанет на свои места.

— Но ему нужно, чтоб я читала! — закричала Поливанова. — Ему важно мое мнение и важно, чтоб я знала его текст, он даже иногда советуется со мной!

— Ты решила стать Софьей Андреевной? Женой великого писателя, надеждой, опорой, переписчицей и матерью его детей?

И обе замолчали.

Маня, ссутулив плечи, смотрела в пустую кофейную чашку, а Марина в компьютерный монитор, на экране которого болталась какая-то таблица.

— Пойдем, по магазину пройдемся, — предложила вдруг Марина. — Книжки посмотрим. Ты что-то правда не в себе.

Поливанова пожала плечами. Ей было все равно.

Узкими коридорами они выбрались в торговый зал, полный народу, шумный, залитый ярким

электрическим светом. Здесь толпились, проталкивались к полкам, читали, составив на пол сумки и пакеты, выкрикали продавцов, когда не могли найти нужную книгу, повторяли в телефон: «Скажи еще раз, как называется? Как?! «Огнедышащая бездна»?! А, «Бездонный огонь»!

Маня брела следом за Мариной сквозь толпу, то и дело без надобности поправляя на носу очки.

...Не хочет она быть Софьей Андреевной, что за чепуха! Какая из нее Софья Андреевна, жена величайшего гения всех времен и народов Льва Николаевича Толстого, мастера изображать «картины народной жизни»?! И Алекс вовсе не Толстой, хотя, конечно, знаменитый писатель, и, по большому счету, его ничего не интересует, кроме работы, и Маня как-то незаметно для себя стала как будто частью его работы, «первым читателем», «восторженным почитателем», слава богу, переписчицей еще не стала — выходит, права Марина?! Да нет, этого быть не может! Алекс ни в чем не виноват. Она одна во всем виновата. Таланта у нее никакого нет, была работоспособность, да и та вся вышла, и Алекс тут ни при чем, — выходит, не права Марина!.. Но только раньше, до Алекса, у нее была собственная жизнь и *собственная работа*, которая с его появлением потеряла всякий смысл — разве можно писать плохо, когда рядом человек, который умеет писать хорошо, так хорошо, что захватывает дух?! И в том, что она, Маня Поливанова, живет нынче жизнью Александра Шан-Гирея, нет и не может быть ничего плохого и разрушительного для нее!

...Или может?..

— Чего тебе хочется? — озабоченно спросила рядом Леденева. — Детективчиков? Или, может, любовных историй? Или новых философских те-

чений? Течения не советую. Там все больше про то, что жизнь дерьмо, человек по сути своей насекомое, и скорей бы наступил конец света.

Маня пожалала плечами и наугад вытащила с полки какую-то толстую книгу.

— Марина Николаевна, — к ним протолкнулся охранник с витым шнуром передатчика, заправленным за ухо. Вид у него был озабоченный. — Мы его взяли. Милицию, тьфу, полицию вызывать?..

Маня бросила листать книгу и насторожилась. Все же до последнего времени, еще до того, как заделаться Софьей Андреевной, она была неплохим детективным автором, и всякие такие штучки — шнуры передатчиков, пистолетная кобура и выражения типа «мы его взяли» — приводили ее в восторг.

— Где взяли? — совершенно хладнокровно спросила Леденева.

— В антикварном отделе. С поличным.

— А кого взяли-то? — сунулась Поливанова.

— Ведите его ко мне в кабинет. Полицию вызывайте.

— Нет, а кого взяли-то?!

— Может, ты пока книжки посмотришь? — предложила Леденева ласково. Голубые глаза под стать фамилии были совершенно ледяными.

Алекс, промелькнуло в голове у Мани, никогда не написал бы такой глупости, как «ледяные глаза», придумал бы что-нибудь поумнее!..

— Нет, ты скажи мне, что случилось!

Марина ловко и очень быстро пробиралась сквозь толпу, время от времени оглядываясь на Маню, которая тащилась за ней, как приклеенная.

— Я нас в последнее время много воруют, — говорила она тихо, и Маня подставляла ухо, чтоб

расслышать. — И только дорогие книги. У нас же открытая выкладка!.. Мы все никак не могли поймать, а убытки уже за сто тысяч перевалили.

— Ничего себе!

— Его долго выслеживали и сегодня, видимо, выследили.

— А можно мне... посмотреть? Мне для работы очень нужно!

Марина усмехнулась.

— Смотри, конечно, только это все не слишком интересно, я тебе точно говорю! Но если для работы...

Какие-то люди поднимались из цокольного этажа, где — Маня знала! — был антикварный отдел. Довольно плотная группа, все мужчины. Посередине невразумительный дяденька в лыжной шапочке и толстом шарфе, несмотря на то что в магазине по весеннему времени было жарко, а по бокам равнодушные парни в пиджаках.

Должно быть, это он и есть, догадалась авторша детективных романов про шапочку с шарфом. Это у него такая маскировка, чтобы не привлекать внимания! Ничего себе, на сто тысяч наворовал!.. Сколько же нужно украсть книг?! Впрочем, в антикварном отделе были книги и по десять, и по пятнадцать тысяч и даже...

Додумать Маня Поливанова не успела.

Человек в лыжной шапочке поднял голову и посмотрел на нее, как будто оценивая. Маня моргнула.

Марина придержала ее за рукав, чтобы пропустить процессию к служебному входу, и дальше случилось непонятное.

Очень быстрым, незаметным, каким-то вихляющим движением человек нагнулся, толкнул охранника, в электрическом свете блеснуло что-то

длинное и узкое, как будто полоска, охранник закашлялся и с грохотом повалился на ближайший стеллаж. Маня Поливанова тоже почему-то не устояла на ногах, должно быть, охранник ее задел. Она стала валиться, замахала руками, но что-то сильно дернуло ее за воротник, так что затрещало даже в ушах.

Люди, обернувшиеся на шум, замерли, как на стоп-кадре.

— В сторону! В сторону все! Порежу! Порежу ее!

Очки слетели у нее с носа, картинка поехала и расплылась, и бок проткнула боль. Такая сильная, что мгновенно затошнило и стало нечем дышать. Маня попыталась вдохнуть, открыла рот, но горло сузилось, закрылось, воздух не проходил.

Ее тянуло куда-то, и приходилось переставлять ноги, чтобы успевать за тем, что ее так тянуло, и горлу было все больнее, и она захлебывалась болью и очень хотела вдохнуть воздух.

И тут все кончилось.

Оказалось, что она стоит на коленях на асфальте прямо посреди улицы Тверской у витрины книжного магазина «Москва», и высыпавшие из магазина люди обступают ее со всех сторон, и она никого не узнает.

— Ты жива? Маня, ты жива?!

Ну, слава богу. Это Марина Леденева, значит, все в порядке.

— Я жива, — неуверенно сказала Маня и встала на четвереньки. Тошнило ее ужасно. — Все хорошо. А что случилось-то?..

Екатерина Митрофанова в десятый раз нажала на кнопку вызова, и телефон в десятый раз вежливо объяснил ей, что «аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Вот упрямая овца! Все-таки выключила телефон!..

Под конец дня Митрофанову вызвала Анна Иосифовна и озабоченным добрым, почти докторским голосом объяснила, что «дальше так продолжаться не может и с этим нужно что-то делать»!

«Это» — что не может продолжаться и с чем нужно что-то делать — суть писательница Покровская, которая уже на два месяца задерживает рукопись.

— Я была с ней сегодня довольна резка, — сказала генеральная директриса тоном задумчивого раскаяния. — Но я не знаю, что делать, Катюша. Нам придется совместно подумать, как ликвидировать этот кризис. Он сейчас решительно не ко времени. Покровская читаема, востребована, издательство не может позволить себе упускать такие прибыли. Я хотела просить тебя, Катюша, поговорить с ней по душам и выяснить, что именно мешает ей работать. Мы сделаем все для того, чтобы... разрешить ее проблемы и помочь ей справиться.

Катюша — Екатерина Петровна Митрофанова — обещала все выяснить и доложить директрисе завтра же. И точно знала, что та утром первым делом потребует отчет о проделанной над Поливановой работе, а никакого отчета не будет! Поливанова куда-то провалилась, и нет никакой возможности «помочь ей преодолеть кризис»!..

Решив на какое-то время отложить приставания к «абоненту», аппарат которого все равно выключен, Екатерина Митрофанова сосредоточенно переделалась в джинсы и маечку и принялась бодро и деловито складывать в сумку спортивный костюм и кроссовки. Совсем недавно она окончательно и

бесповоротно решила, что «следует заняться собой».

...Глаза б мои не глядели на этот костюм и кроссовки.

Нет, нет, так нельзя думать. Нужно думать вот как: к весне надо привести себя в порядок. Я современная молодая женщина, и мне просто необходим курс фитнеса. Отступать некуда, абонемент куплен, тренер по имени Артем — как пить дать, идиот, все тренеры по фитнесу идиоты, — ждет ее к восьми. Через две недели я похудею, руки и ноги перестанут походить на студень, а станут похожими...

...Чтоб ему провалиться, этому тренажерному залу вместе с тренером Артемом! Вот было бы счастье — прийти к спортклубу, а он провалился, и нет его, и не нужно проделывать всю эту глупость! Приседать, держа спину очень прямо, сводить и разводиться колени «с усилием», качаться, как маятник, на какой-то специальной пыточной доске, заложив руки за голову, и отжиматься от черной клеенчатой лавки!

Да нет же, не так! Во всем мире принято заниматься собой и своим здоровьем! Мы живем исключительно для того, чтоб в сорок лет выглядеть на восемнадцать, а в восемьдесят на сорок. Занятия спортом — это не только здоровье, это показатель преуспевания, «правильности» жизни, а уж она-то, Екатерина Митрофанова, живет исключительно правильно!

...Господи, как я не хочу туда тащиться. Я есть хочу, спать хочу, и мне бы бумаги от Канторовича почитать, что он там в очередной раз напутал?! Из отдела маркетинга бумаги вернули с ехидной резолюцией, стало быть, совершенно точно напутал!

Нет, нет, нужно отбросить все мысли о работе и